

Отчет о докладах, прочитанных в О-ве за первое полугодие 1928 г.

Доклад г. М. В. Нечкиной: «Постановка исторического семинара в исторических вузах»¹.

М. В. Нечкина отмечает, что вопрос о методике преподавания в вузах остается чрезвычайно мало разработанным и в применении такого существенного приема, как семинарские занятия, господствует полный разноречивый. Докладчица обследовала ряд московских и провинциальных вузов и на основании полученного материала ставит три основных проблемы: 1) какую роль играет исторический семинар в системе общественных вузов, 2) что нужно понимать под семинаром, его основные типы, их градация и связи семинарской работы с общим планом учебного преподавания и 3) пособия для исторического семинара.

Вкратце остановившись на истории понятия «семинар», М. В. Нечкина указывает, что с самого своего возникновения оно обозначало школу, дающую практических работников, в частности служителей культа—педагогов. Первые университетские семинары возникали, как педагогические, как организация практической учебной работы при университете. Основным признаком семинара является, таким образом, его практицизм; к этому еще можно добавить сопутствующий признак—параллелизм с лекциями, в известном отношении к которым обычно ведется семинар.

В группе общественных вузов исторический семинар имеет особое значение для вузов педагогических, ибо именно в последних выступает на первый план прикладное значение семинара: «студенты, кончая эти вузы, вступают в область практической работы с историей, как таковой», говорит М. В. Нечкина, переходя к второй из намеченных ею, центральной проблеме доклада.

Отмечая, что основными целями исторического обучения являются, с одной стороны усвоение некоторой суммы фактов и размещение их в отчетливо осознанной схеме исторического процесса и, с другой,—усвоение необходимых исследовательских навыков, умение пользоваться марксистской методологией—докладчица указывает на часто встречающуюся в нашей вузовской практике путаницу в способах достижения этих задач. Между тем их следует строго размежевать: лекционный курс должен давать основу знаний, а семинар—практику методологии. Но и к осуществлению последней задачи должно подойти с осторожностью.

Слабая подготовка наших студентов до поступления в вуз заставляет расположить типы семинаров в виде определенной системы с повышающейся трудностью материала. Первоначально нужно научить студента пользоваться исторической книгой; второй момент наступит, когда учащийся сможет не только понимать содержание прочитанного, но и по-марксистски его оценивать. Далее он должен научиться самостоятельной постановке марксистской

¹ Заседание методической секции от 17 февраля.

ибо рядовой преподаватель подчас сам не умеет в них разобраться. То же подтверждает и работа заочного комвуза Свердловского университета. Учащийся нуждается в исторической картине. Ему нужно дать учебник и иллюстративный материал; все это будет хорошо только в руках преподавателя. Нам необходим новый учебник, и если может показаться, что, создавая его, мы идем по старому пути, то в наших условиях и старое будет новым.

Тов. С л у ц к и й в заключительном слове останавливается прежде всего на некоторых недоразумениях, возникших в процессе прений. В своем докладе он исходил из потребностей взрослой аудитории, приводя пример рабочей книги школ Соцвоса только для иллюстрации. Что касается рекомендаций им задач-поручений, то они вовсе не мыслились как задания; последние определяют весь педагогический процесс в целом, между тем как предложенные поручения мыслятся только, как некоторое дополнение к основной работе.

Тов. Мамет возражал против ограничения автора программой. Между тем, это основное условие, и если мы хотим достичь определенного перелома в деле создания учебной литературы, то мы должны поставить себе твердую задачу приспособления учебника к программе. Второе его возражение касается трудности приспособления учебника к определенному возрасту учащегося и к типу школы. Но тип школ определяется программным содержанием, и это возражение не меняет выдвинутого в докладе положения относительно того, что учебник, приспособленный к определенной программе, может обслуживать различные типы школ.

Возражения т. Нечкиной в одной своей части касались вопроса может ли учебник обслужить целиком весь педагогический процесс. Аргументы ее тем более неубедительны, что т. Нечкина совершенно выбрасывает из самостоятельного педагогического процесса такой важный момент, как задание. Другая группа ее возражений касается отсутствия в предлагаемом типе учебника документов, занимающих большое место в нашем преподавании. Но именно в силу значительности этого места дело документации должно быть отделено от составления учебника. Каков должен быть тип подобного сборника—вопрос особый и в докладе не рассматривавшийся.

Что касается якобы произведенной переоценки ценностей, кризиса преподавания и пр., то ничего такого, конечно, нет. Нам пришлось пользоваться недостаточными пособиями, но не нужно из нужды делать добродетель.

Председательствующий т. К р и в ц о в солидаризируется с основными положениями докладчика.

ДОКЛАД т. ГАЛУЗО: «КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ»¹

Т. Васютинский, открывая первое заседание секции истории Востока, предоставляет слово для доклада т. Галузо.

Тов. Г а л у з о. Я должен предварительно заметить, что помимо отмеченных в тезисах трех форм эксплуатации Туркменского края русскими господствующими классами, я буду говорить также о том, как вокруг этой эксплуатации шла борьба между двумя формами русского капитализма—торговым и промышленным капитализмом.

Я не думаю подробно останавливаться на вопросе завоевания средней Азии. Для сегодняшней темы это не играет основной роли. Важно то, что определяющей причиной продвижения русских в Среднюю Азию были интересы торгового капитала, а во-вторых, как верно отметил М. Н. Покровский, то обстоятельство, что Средняя Азия нужна была русским и как удобный

¹ Заседание секции истории Востока от 13 марта.

плацдарм в случае войны с Англией. Но в основном это был объект колониальной эксплуатации, интересовавшей не только русского торговца, но и русского промышленника. Первому важен был рынок, второму сырье—хлопок и горные богатства.

Таким образом, если мы ставим вопрос о колониальной политике царского правительства в Средней Азии, то нам нужно выяснить каким образом Туркестан подчинялся России и как он ею эксплуатировался. Вопрос о роли Туркестана, как плацдарма для наступления против Англии, я оставляю в стороне; укажу только, что в отношении русских переселенцев в Средней Азии, я сейчас прихожу к выводу, что если мы можем рассматривать Среднюю Азию, как военный плацдарм, то вопрос о вооружении русских переселенцев играет в этом деле очень существенную роль. Можно считать, что это вооружение было направлено не только против внутреннего восстания, а именно против такого внутреннего восстания, которое может случиться, когда Россия будет вести войну на средне-азиатских окраинах. Характерно, что в 1916 году, когда шло нарастание внутреннего взрыва, переселенцы разоружались, и причину этого можно видеть только в том, что в то время с Англией воевать не собиралось.

По вопросу о способах колониальной эксплуатации Туркестана нужно подчеркнуть три основных момента: первый вид эксплуатации это эксплуатация торгово-ростовщическая, второй—через государственный аппарат и третий—эксплоатация земли, изъятие обработанных орошенных земель для русских переселенцев. Вокруг этих трех моментов разворачивалась борьба русских господствующих классов.

Когда мы говорим о скупочных и ростовщических операциях русского торгового ростовщического капитала, мы имеем прежде всего в виду скупку хлопка и кредитование хлопкового хозяйства. Конечно, хлопок не единственное сырье, но в кочевые районы торговый капитал проникал слабее.

Промышленная буржуазия была недовольна хозяйничанием торгового капитала в Средней Азии. Поэтому в произведениях либеральных писателей мы находим много данных о безобразиях, творимых торговым капиталом. Но за этими безобразиями крылись реальные противоречия. Деятельность торгового капитала сводилась к скупке сырья и реализации на средне-азиатском рынке русских фабрикатов. Из этого и вытекали разногласия между торговым и промышленным капиталом. Ростовщическая эксплуатация накладывала очень тяжелые путы на развитие декханского хозяйства. В силу этого в нем не могло происходить накопление, и площадь орошаемой земли не увеличивалась. Поэтому, несмотря на быстрый рост хлопководства, возможности его истощались, благодаря использованию ограниченной посевной площади. Стоял вопрос об орошении новых земель. Торговый капитал, стремившийся сохранить свое господство, настаивал на государственном орошении, промышленный предлагал действовать, применяя частный капитал.

Однако, частные проекты орошения не встречали содействия. Лати-фундий боялись, потому что таким образом промышленники захватили бы в свои руки рынок. Практически и государственное орошение не дало результатов, но тут действовали привходящие обстоятельства.

Борьба шла, собственно, вокруг ростовщических операций, разорявших декханство. Вопрос шел не столько о русском торговом капитале, сколько о туземном. В первую очередь против последнего ополчился русский банковский капитал, взявший курс на организацию дешевого кредита. Рост кредитных операций шел очень быстро, причем банк миновали торговые фирмы, непосредственно подойдя к населению. Тем не менее стоимость кредита оказывалась еще очень высокой, и декханское хозяйство все больше зажималось в тиски ростовщиков, катастрофа наступила уже в военные годы, когда в 1915—16 году были введены нормировочные цены. Хлопководство встало

перед дилеммой: либо свержение власти торгового капитала, либо гибель хозяйства. Неправы те, кто полагает, что перед семнадцатым годом в Туркестане не было еще предпосылок для революции; в туркестанском кишлаке противоречия были еще острее чем в России, ибо если русский мужик раскачался только к осени 1917 года, то декханин сделал это за полгода до Февральской революции.

Второй вопрос касается проблемы эксплуатации Туркестана государственным аппаратом. Последний был аппаратом сугубо взяточническим. Взятничество есть, конечно, род эксплуатаций, и таким образом аппарат вступал в противоречие с развитием производительных сил, мешал правильному функционированию хозяйственной жизни. Русская промышленная буржуазия протестовала против злоупотреблений аппарата, но делала это не очень решительно, понимая, что только при помощи государственной власти удастся удерживать Туркестан.

Третья проблема касается колонизации. Переселение в Среднюю Азию шло по разным направлениям. С одной стороны таким путем создавалась опора для русского господства, с другой стороны выселение из России диктовалось внутренним хозяйственным положением и, наконец, нужно было снабжать рабочей силой предприятия русского капитала. В течение XIX века переселение преследует преимущественно первую цель, причем в этот период против переселения высказывались главным образом помещики, стремившиеся удержать крестьян на земле. Но уже с конца XIX века установка меняется. В самой России начинается новая полоса переселенческой политики и против переселения выступает уже промышленная буржуазия: дело в том, что русская иммиграция разрушала хлопковое хозяйство Туркестана. На этой почве происходила борьба между правым и левым крылом Государственной думы, закончившаяся победой правых и предоставлением земельных излишков в оседлых районах для переселенцев.

К этому времени приобрел значение вопрос о снабжении рабочей силой промышленных предприятий. В подобном духе высказывался уже Витте в 1901 году, а с 1910—11 года, когда выросла проблема орошения, промышленники тоже забеспокоились о подборе рабочей силы. Таким образом, интересы помещиков и промышленников в известном смысле сошлись.

Переселение явилось добавочной тяготой в положении декханства, ибо переселенцы приходили и отнимали землю.

Все эти формы русской эксплуатации в своей совокупности привели к ряду изменений в самом строе туркестанского хозяйства. Прежде всего проникновение русских в Среднюю Азию дало сильнейший толчок разрушению натурального хозяйства. Правда, денежные отношения зародились ранее русского завоевания, но вторжение русского капитала чрезвычайно способствовало их развитию. В хозяйстве хлопкоделов деньги стали играть большую роль, благодаря тому, что весь хлопок сбывался на рынок. Денежные отношения проникли и в скотоводческое хозяйство. Этот процесс, само собой, вызвал дальнейшее хозяйственное расслоение, создав в конечном счете два типа хозяйственных организаций: с одной стороны, тип капиталистический, пользующийся вольнонаемным трудом, и тип полукрепостнический, прибегающий к работе издольщиков, так называемых чайрикеров. Чайрикерство — явление чрезвычайно близкое нашим крепостническим отношениям XVI—XVII века. Конечно, этот производственный тип задерживал развитие народного хозяйства. Причиной чайрикерства был низкий технический уровень декханства, искусственно тормозившийся ростовщической эксплуатацией. Наряду с чайрикерством выросли и капиталистические отношения, вступавшие в противоречия со всеми указанными видами эксплуатации. Основным вопросом для Средней Азии накануне революции 1917 года и было освобождение растущего капитализма от торговой и аппаратной эксплуатации и

от чайрикерства. Таким образом, в Средней Азии подготовлялась буржуазно-демократическая национально-освободительная революция. По всем выше намеченным трем линиям русской эксплуатации интересы метрополии противоречили народным интересам. Но поскольку агентом русского торгового капитала был туземный торговый капитал, национальная революция против русского владычества не могла в конечном счете не перерости в борьбу и против туземных эксплуататоров.

В прениях по докладу т. Галузо выступили гг. Шихов, Зелькина, Шестаков и Меерсон.

Т. Шихов. Докладчик считает, что в Средней Азии превалировали интересы торгового капитала. Это совершенно неверно. Торговый капитал являлся только агентом капитала промышленного. Органический состав капитала в Средней Азии не рос, следовательно соблюдались интересы промышленного капитала. В этом смысле надо толковать и тот факт, что в среднеазиатских владениях допускался туземный торговый капитал, но совершенно отсутствовал промышленный. Многие из того, что докладчик приводил для доказательства своих положений, по существу свидетельствует обратное. Да и самое завоевание Средней Азии происходило в такое время, когда промышленный капитал в России обосновался достаточно твердо.

Тов. Зелькина. Для настоящей темы важно не столько выяснение того, кто преобладал в Средней Азии, торговый или промышленный капитал, а установление тех переворотов в туркестанском хозяйстве, к которым привела русская колониальная политика. Докладчик считает, что параллельно развивались крепостнические и капиталистические отношения. Это неверно. Здесь мы имеем дело с своеобразным процессом развития капитализма в колониях, не уничтожающим крепостничества. Когда русский капитал вторгся в Среднюю Азию, то первоначально он как-будто довольно радикально взялся за феодальные привилегии. Товарность хозяйства росла очень быстро, создавалась обширная сеть ростовщических кредитных отношений, крестьянство все больше попадало под пресс капиталистической эксплуатации, так что к 1917 году в Фергане 51% всех хозяйств обладал только одной десятой земли.

Но при таком быстром темпе капиталистического развития создавался не капиталистический фермер, а байское полукрепостническое хозяйство, основанное на чайрикерстве. Так капитализм вызвал к жизни те самые феодальные отношения, которые он начал разрушать. Когда т. Галузо ссылается на статистику наемного труда в Туркестане, то он забывает, что в число наемных рабочих попадали и такие, которые нанимались на 2—3 дня в момент сбора хлопка к тем же чайрикерам. Преобладающим типом хозяйства было хозяйство основанное не на наемном труде, а на труде издольщиков. Еще в 1925 году при обследовании хозяйств были обнаружены очень крупные поместья, в которых было по 70—80 чайрикеров и ни одного плуга. По существу здесь имелись феодальные крепостнические отношения, где наверху в качестве главного эксплуататора стоял торгово-промышленный капитал. Это тоже самое, что отмечал Ленин по отношению к Южной Америке, где капитализм, разрушив рабовладение, воссоздал его в виде института издольщины. Таков вообще характер проникновения капитала в колонии, где феодализм не разрушается, а приспособляется к нуждам капиталистического хозяйства. Средне-азиатский родовой вождь стал и первым капиталистом своего рода, эксплуатируя чайрикера в обоих направлениях. Такой путь объясняется тем, что капитализм не создает в колониях промышленности, а проникает в сельское хозяйство, и армии аграрного перенаселения некуда податься. Разоряющееся крестьянство остается в деревне, являясь прекрасным объектом для крепостнической эксплуатации.

К этому нужно прибавить то обстоятельство, что в Средней Азии настолько быстро рос внутренний рынок, что капитал целиком уходил в торговлю, дававшую колоссальный процент. Это в свою очередь задерживало развитие промышленности и сельскохозяйственной техники.

Основным политическим выводом из подобного экономического положения явилась связь туркестанской национальной буржуазии с одной стороны с феодализмом, с другой—с русским империализмом. Даже спустя восемь лет после революции туркестанская буржуазия не протестовала против феодальных пережитков и отчаянно сопротивлялась земельной реформе. Точно также не шла туркестанская буржуазия против русского империализма, поскольку последний включал ее в качестве одного из звеньев своей эксплуататорской системы.

В остальном же выводы т. Галузо правильны.

Т. Ш е с т а к о в. Прежде всего нужно остановиться на вопросе о промышленном и торговом капитализме. Утверждение докладчика о преобладании торгового капитала совершенно не соответствует тому интересу, который питал русский промышленный капитализм к туркестанскому хлопководству. Но и этого недостаточно, потому что, как мы знаем, торговый капитализм с XIX века стал перерождаться в капитализм финансовый. Интересен факт, что незадолго до войны московское общество хлопчато-бумажных фабрикантов пыталось организовать крупную компанию по эксплуатации Туркестана. В этом был заинтересован и банковский капитал, не только русский, но и английский. Можно думать, что последняя стадия проникновения капитализма в Среднюю Азию проходила уже под знаком развернутого империализма, характеризуемого всеми пятью ленинскими признаками.

Тт. Галузо и Зелькина правы, когда говорят о докапиталистическом характере декханского хозяйства, но я думаю, что денежные отношения были развиты значительно меньше, чем это кажется докладчику. Система эксплуатации, приводившая к обнищанию населения, не могла способствовать развитию денежных отношений. И вывод т. Галузо об отсталости русского крестьянина, его утверждение, что декханин выступил застрельщиком русской революции, конечно, являются преувеличением. Русская крестьянская революция выросла из уничтожения капитализмом крепостнических отношений, между тем, как события 1916 года в Туркестане явились результатом голодовки, нищеты, военных наборов и т. п. Восстание было подавлено, и к 1917 году мы уже не имеем никаких его следов. Новая форма революционного движения начинается в 1918 году, но тут она уже строится на совершенно иной основе.

Т. М е е р с о н. В характеристике чайрикерства, данной докладчиком, имеется противоречие: говорить о нем как о крепостничестве можно только в том случае, если капиталистическое хозяйство в этот период еще не было развито; докладчик же рисует иную картину. Но в таком случае нельзя сравнивать с XVI—XVII вв. в России.

Что касается империалистического характера колониальной эксплуатации, то здесь важно отметить, что и при проникновении финансового капитала, аппарат власти оставался в руках торгового капитала.

Т. Г а л у з о в заключительном слове указывает, что т. Шестаков искажил его мысль; конечно, туркестанский декханин не положил начала революции 1917 года. Противоречия в русской деревне и в средне-азиатском кишлаке были различные; в докладе подчеркивалась только острота противоречий в Средней Азии.

Вопрос о связи колониальной политики царского правительства с эволюцией русского капитализма вообще, на который указал т. Шестаков, действительно в докладе был мало разработан. Но совершенно неправильно говорить, что в Туркестане проводилась политика промышленного капитала.

Власть в этот момент была все же в руках капитала торгового. Конечно интересы их часто совпадают, но, когда они расходятся, решение обычно оказывается в пользу торгового капитала.

Т. Зелькина, оспаривая положение о параллельном развитии капитализма и крепостничества, упускает из виду ряд обстоятельств. Прежде всего вольнонаемный труд развивался в средних хозяйственных группах, в то время как крепостные отношения растут в крупных хозяйственных группах. Неправильно и ее представление о аграрном перенаселении. Дело не в отсутствии городской промышленности, а в том, что капитализм проник в самое сельское хозяйство. Рабочих рук не хватало и они ценились высоко. Чайрикерство возникало не из аграрного перенаселения, а из задолженности ростовщику—баю и низкой техники.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ. РАБОТА СЕКЦИЙ: ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР, ИСТОРИИ ЗАПАДА И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ¹

1. ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов.

(Речь, произнесенная М. Н. Покровским на открытии Всесоюзной конференции 28 декабря 1928 г.).

Историки-марксисты, составляя один из отрядов ленинской армии, борющейся одновременно на множестве фронтов, должны быть хорошо ориентированы в настроениях, царящих в неприятельском лагере. Там, в буржуазной Европе, очевидные успехи СССР в деле хозяйственного строительства породили два течения: одна часть империалистов, охваченная бешеной злобой, готовится внеэкономическими средствами задушить первую страну строящегося социализма, среди других растет огромное любопытство к стране, которая восстановилась своими собственными силами, не закабалив себя мировым банкирам подобно большинству западно-европейских стран. С первыми—коммунистам-историкам, вероятно, придется рано или поздно

¹ Печатаемые ниже отчеты о работах конференции представляют собой сокращенное изложение прочитанных докладов и прений по ним. Только сообщение т. Горина о работе Общества историков-марксистов дано по стенографической записи. Из-за недостатка места в настоящей книжке журнала не могли быть помещены отчеты секций по истории ВКП(б) и методической, а также комиссии по истории вооруженных восстаний и революционных войн и совещания по истории Востока. Все перечисленные отчеты будут напечатаны в следующем 12 томе «И.-М.». Ред.

иметь дело, как рядовым солдатам революции, но против вторых они уже теперь должны пустить в ход специальное оружие своей марксистской науки.

Обостренное внимание Запада к СССР напоминает интерес римлян к германцам во времена Тацита, когда в «варварах» уже нельзя было не видеть могучей, сокрушительной для старого мира силы. Мы сами не напрашиваемся, но нас усиленно, всеми средствами «тянут» на выступления в Западной Европе: так было с неделей в Берлине, так было и с Осло. Для буржуазных историков приглашение наших делегаций было средством воочию увидеть любопытного зверя, для нас же это открывало возможность широкого идеологического воздействия не только на европейский пролетариат, но и на вечно колеблющиеся по самой своей природе мелкобуржуазные слои. Тактически это имеет огромное значение, так как, по словам Ленина, в социалистической революции примут участие не только пролетарские, но и все недовольные капитализмом общественные группы, в том числе сильная своей массой мелкая буржуазия. Но для того, чтобы эту тактическую задачу успешно выполнить, надо, во-первых, хорошо знать буржуазную науку и, во-вторых, сохранять полное единство в своих рядах. В истекшем году впервые в Западной Европе коммунисты-марксисты выступили не как отдельные лица, а как организованное целое, как делегация революционного марксизма. Это выступление было тем более внушительным, что с точки зрения наших европейских хозяев советская делегация в целом была идейно вполне однородна, т. е. вся состояла из

4. Независимо от дефектов организационного характера, перечисленных выше, конференция выявила кое-какие идеологические недочеты в нашей работе. Главными из них являются: во-первых, некоторая заакадемизированность отдельных наших работников, склонность рассматривать свою работу не как часть общей пролетарской борьбы на определенном участке фронта, а как деятельность «объективно-научную», даже противопоставляя ее политике; во-вторых, неизжитость, а иногда, на базе оживления мелкобуржуазной идеологии, оживление подчас и националистических точек зрения на историю, вплоть до подмены классового объяснения «этнографическим». Конференция решительно призывает историков-марксистов расстаться со старыми «профессорскими» привычками и помнить, что, при всей важности академической выдержанности наших писаний, образцом для нас должны быть не знаменитости академического мира, всегда являвшиеся прислужниками эксплуататорских классов и в самом лучшем случае искавшие в «объективности» убежище от политики, но ученые-революционеры, типом которых в нашей стране являлись в

старые годы Чернышевский, а в новейшее время Ленин, сделавший для понимания русского исторического процесса больше, нежели все обладатели всех исторических кафедр всех «российских университетов».

Конференция напоминает всем историкам-марксистам, что мы являемся воинствующими марксистами, первая обязанность которых заключается в борьбе с чуждыми марксизму и классово-враждебными пролетариату идеологиями и их пережитками, в чем бы они ни состояли и кто бы их ни распространял. Такого рода борьба является особо настоятельной в настоящий момент, когда представители идеологий, чуждых пролетариату, поднимают голову и переходят в наступление. Никакой в этом отношении «нейтралитет» и никакие уступки, никакого рода оппортунизм не могут быть допущены нашей школой, которой недостаточно быть только материалистической — историко-материалистов имела и имеет буржуазия, — но которая должна быть ленинской в полном смысле этого слова, все подчиняющей основной цели — борьбе за освобождение пролетариата во всем мире и строительству социализма.

III. СЕКЦИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

Доклад т. Ванага «О характере финансового капитала в России»

По существу подвел итоги той дискуссии, которая была вызвана его работой по этому вопросу «Финансовый капитал в России накануне войны». Но докладчик не только подвел итоги этой дискуссии, но и несколько расширил тему, по сравнению с прежней постановкой, говоря уже о характере финансового капитала в России на фоне классовой борьбы и различных социальных процессов, дополнивши эту тему рассмотрением периода военной экономики. Основное содержание доклада т. Ванага было в защите так наз. теории «денационализации» русского капитализма, сводящейся к рассмотрению системы фи-

нансового капитала в России как системы не национальной, а иностранной. В своем докладе т. Ванаг не отрицал наличия в России туземного финансового капитала, сосредоточившегося главным образом в легкой индустрии, но указывал на его подчиненную роль при господствующем антантовском финансовом капитале в России. Эта теория, вызвавшая в течение последних лет большую дискуссию, выявившая и наличие противоположной теории национального финансового капитала, вызвала и на конференции сильное оживление. По этому докладу выступало более 20 человек и сторонников, и противников «децентрализации». Ряд товарищей, сторонников другой точки зрения, сделал заявки на содоклады. Все это свидетельствует о том, что пробле-

что «буржуазия на Украине в 1905 г. была революционной силой, и удельный вес ее был настолько велик, что она заставила самодержавие итти на уступки», между тем самодержавие сделало уступки в силу боязни рабочей революции. То же по отношению к буржуазии в 1917 г.: по учебнику т. Яворского выходит, что в 1917 г. в феврале буржуазия произвела на Украине революцию, а не рабочие массы. В итоге—дается иная оценка расстановки классовых сил, чем это было в России. И эта оценка расстановки классовых сил в революционном движении XX в. приводит, как указывал т. Горин, к отсутствию определенной марксистской схемы. Отсутствие этой четкой, действительно марксистской схемы, по мнению т. Горина, приводит т. Яворского к ряду меньшевистских положений, которые и цитировал т. Горин в своем выступлении. «Я думаю,—отмечал т. Горин,—что цитаты, приведенные мною, случайны. Я не пытаюсь их представить как части какой-то уже оформившейся схемы. Но, во всяком случае, это не помешает нам притти к заключению, что из тех ошибок, которые я сейчас приводил, нужно сделать определенный вывод, что в борьбе с немарксистскими схемами на Украине, схемами реакционными, которые часто стараются принять защитный цвет, необходима решительная борьба, а для этого и нужна ясная, четкая марксистская схема и никаких уступок идеологии мелкобуржуазного национализма».

Доклад т. Корбута «Рабочее законодательство в 3 и 4 Государственной думе».

Докладчик изложил содержание законов, прошедших через 3-ю Госуд. думу, и законодательных попыток в области рабочего вопроса в 4-й Госуд. думе. Ряд товарищей указывал на отсутствие в докладе правильной методологической установки, на отсутствие характеристики особенностей рабочего законодательства,—не с точки зрения юридического толкования каждого закона, а с точки зрения развития классовой борьбы в России, с точки зрения тех классовых пружин, которые толкали законодательство в данный период классовой борьбы.

Доклад т. Галузо «О периодизации национально-освободительного движения в Средней Азии».

Первый период, который выделил

т. Галузо и на рассмотрении которого он остановился, это период эпохи завоевания Средней Азии русскими, период, сопровождавшийся волной национально-освободительного движения в различных районах. Конкретной революционной задачей, стоявшей перед этим движением, была борьба за самостоятельность как объединенных народностей края, так и борьба за объединение их. Преодолеть свою экономическую отсталость Средняя Азия могла, по мнению докладчика, в данный момент только через быстрое развитие капитализма, что могло осуществиться двумя путями. Путь первый, указывал докладчик, наиболее легкий, наименее мучительный, обеспечивающий быстрое развитие капитализма—это путь сохранения самостоятельности народов Средней Азии, т. е. отсутствие колониальной эксплуатации. Второй путь—мучительный и медленный—развитие капитализма, когда Средняя Азия «завоевывается» одной из капиталистических стран и обращается в ее колонию с вытекающими отсюда экономическими последствиями консервированием феодализма и т. д. В этих условиях, указывает т. Галузо, борьба за самостоятельность была борьбой прогрессивной, борьбой революционной за первый путь экономического развития Средней Азии. Что же касается расстановки классовых сил при этой борьбе, то, по мнению т. Галузо, в сохранении самостоятельности Средней Азии были заинтересованы все ее классовые группировки, за исключением очень тонкой феодальной верхушки—знати, связанной торговыми интересами с Россией и стоящей за добровольное ей подчинение. Лозунг газавата, появившийся впервые в этот период, и был, по мнению докладчика, лозунгом борьбы всех иноверных против всех русских.

В дальнейшем докладчик остановился на характеристике экономического положения Средней Азии в период господства России, давшего некоторый толчок к развитию там капитализма, но и задержавшего его путем сохранения феодальных остатков в целях эксплуатации ее как своей колонии. (Остановился т. Галузо и на рассмотрении вытекающих отсюда задач национально-освободительного движения, а именно свержении этого господства как политического, так и экономического. Эта задача, ясно обрисовывавшаяся перед национальным освободительным движением, по указанию т. Галузо, в последней четверти XIX столетия все

же остается невыполненной вплоть до конца гражданской войны (1920 г.). Февральская революция делит задачу на две части: до Февраля национальному движению Средней Азии противостоит крепостническое самодержавие, а «за его спиной русский промышленный капитал, а позже империализм; после февраля национально-освободительное движение сталкивается непосредственно лицом к лицу с русским империализмом».

Что же касается расстановки классовых сил в этот период, то, по мнению докладчика, господство русского капитала дифференцировало как туземное население, так и русское. (В результате русской колонизации края, указывает т. Галузо, в Туркестане насчитывалось до 30 000 русского пролетариата и некоторое количество бедняцких и середняцких семей и поселенцев-кулаков). И чем ближе к революции 1917 года, тем национально-освободительное движение, по мнению докладчика, все более дифференцировать на движение туземных господствующих классов и движение крестьянства и сельского пролетариата. Рост рабочего движения в городе ставит в порядок дня борьбу пролетариата с туземной буржуазией за гегемонию его в революционном движении. В дальнейшем, на основании этих общих признаков национально-освободительного движения в период господства России, докладчик намечает и дальнейшую его периодизацию. Второй период (от конца 70-х до конца 90-х гг. XIX века), по мнению т. Галузо, характеризуется как переходный этап от борьбы за самостоятельность к борьбе за полное освобождение. В смысле движущих сил этот период характеризуется отсутствием рабочего движения и началом крестьянского, а также борьбой городских ремесленников. Движение «туземной знати» и «духовенства», по мнению т. Галузо, не дифференцировалось от движения крестьянского против господства русских товаров. Оно идет под лозунгом газавата и «восстановления Кокандского ханства», и ведущую идеологическую роль играет в том знать и духовенство.

Третий период национально-освободительного движения, по мнению т. Галузо, простирается от начала XX века и до восстания 1916 года. Характеризуется он ростом крестьянского движения. Наряду с этим, указывал докладчик, имело место движение торговой буржуазии и духовенства, которые, выдвигая

свои лозунги борьбы против неверных, обнаруживали в то же время страх перед растущим крестьянским движением. 1905 год положил начало движению буржуазных демократов, которые отстаивали в своих программных требованиях, выдвигая лозунг борьбы за капитализм. В своих практических требованиях—они не шли дальше «национальной культурной автономии». Этот период докладчик отмечает ростом движения русского и туземного пролетариата, который делал попытки с 1905 года взять крестьянское движение под свое руководство. Но смычка происходит позднее,—в революцию 1917 г., которая и является уже четвертым периодом в национально-освободительном движении. Революция 1917 года, по мнению т. Галузо, могла идти в Средней Азии двумя путями—либо под руководством местной буржуазии, либо под руководством пролетариата. В последнем случае, указывает докладчик, она должна была идти по пути перерастания из революции национально-освободительной в революцию против туземных господствующих классов. Кокандская автономия и вся история басмачества—это была борьба за первый путь. Борьба за советскую власть—второй. Победили советы, говорит т. Галузо, потому что второй путь был в интересах пролетариата и крестьянства. Их союз ликвидировал эксплуатацию местной и русской буржуазии.

Доклад вызвал значительную марксистскую критику с указанием ряда недостатков, которые во многом отношении могут быть отнесены и за счет новизны марксистской методологии в истории Средней Азии, хотя здесь в секции истории народов СССР и впервые ставились основные вопросы марксистской истории Средней Азии, как и других автономных и союзных республик. Отсутствие марксистского наследия в изучении этого вопроса, естественно, ощущалось и в докладе т. Галузо и в последующих, связанных с историей отдельных народов СССР.

Основные возражения по докладу т. Галузо—это обвинение в нечеткой дифференциации торгового и промышленного капитала, не совсем правильная, с марксистской точки зрения, терминология и отсутствие конкретного учета социально-экономической структуры Средней Азии. Анализ революционных событий, указывали некоторые товарищи, требует географического, этнографического и экономического критерия. От-

существованием этого фона они объясняли ошибки т. Галузо и в отношении выяснения революционных задач движения в Средней Азии, и в вопросе расстановки в нем классовых сил. Другие оппоненты указывали на несколько неправильное построение доклада т. Галузо в вопросе о ходе экономического развития Узбекистана. Отмечали и не дифференцированный подход к проблемам со стороны докладчика: отсутствие указания, какой капитализм развивался в Средней Азии, указывали оппоненты, спутывает представление о ходе экономического развития, на фоне которого происходила классовая борьба, явившаяся предметом периодизации в докладе т. Галузо. Указывали оппоненты и на недифференцированный подход докладчика к классовым моментам, как отсутствие анализа «знати», попутно отмечая и неправильное употребление им термина. Обвиняли т. Галузо и в некотором абстрагировании вопроса, схематичности, отсутствии достаточного анализа и учета конкретных фактов движения. В связи с этим отсутствием конкретного исторического анализа ряд товарищей находил и наличие погрешностей в периодизации т. Галузо, и не соглашались с ней. Они выдвигали другую: первый период до революции 1905 года, второй от 1905 до 1917 г. и третий — с Октябрьской революции до настоящих дней. В счет минусов ставилась докладчику и его попытка рассмотрения истории только узбекского народа, не рассматривая истории всего тюрко-татарского народа на всей территории Средней Азии; не соглашались также с толкованием докладчиком лозунга газавата, вопроса о панисламизме и т. п. Очень большую дискуссию вызвал вопрос о прогрессивной или регрессивной роли завоевания царизмом Средней Азии. Тут выявились довольно различные точки зрения в среде марксистов по этому вопросу. Ряд товарищей указывал на прогрессивную роль, которую сыграли завоевания Средней Азии Россией, другие стояли на противоположной точке зрения, указывая, что эта прогрессивность была только с точки зрения капитализма, а не с точки зрения тех масс населения, которые давила царистская колониальная политика. Любопытно отметить, что почти все выступавшие представители с мест давали доказательства большей научной работы, проделанной на местах, в деле создания марксистской истории той или иной республики СССР.

Доклад т. Махарадзе «История Грузии XIX века»

Тов. Махарадзе в своем докладе захватил период, начиная со второй половины XVIII века и кончая XIX веком. Здесь проявилось то же, что и в отношении первого доклада. Отсутствие четко разработанной экономической истории республик, и в частности всего Закавказья, несколько затрудняли изложение истории Грузии в XIX веке. Благодаря этому докладчику зачастую приходилось ограничиваться лишь социально-политической историей.

Разложение Грузии в конце XVIII века, сопровождавшееся внешними и внутренними феодальными войнами, по мнению докладчика, могло иметь двойного рода последствия: или завоевание ее Персией и Турцией или подчинение Грузии России в той или иной форме. Этого хотели, указывает т. Махарадзе, «правлящие круги» Грузии, думая, что Грузии будет предоставлена в этом случае внутренняя самостоятельность. В итоге, Грузия имела не простое подчинение, а была завоевана посредством «штыка». В дальнейшем, докладчик подробно остановился на периоде господства русского торгового капитала в Грузии и на ее колонизации, рассматривая в этом процессе несколько периодов. «Установление в Грузии в начале XIX века русского правительства означало начало кардинальнейших перемен как во внешней, так и во внутренней жизни грузинского народа», а именно — окончательное разложение феодализма, прекращение войн и введение новых порядков, вызвавших недовольство, переходящее позднее и в открытое восстание.

Остановившись на экономике Грузии в первой половине XIX века, докладчик указал на усиленное развитие в ней внешней и внутренней торговли. Что же касается классовой дифференциации в этот период, то, по его мнению, грузинское дворянство, частью идя на службу русскому правительству, частью занимаясь помещичьим хозяйством, в целом усиленно эксплуатировало крестьянство. Последнее испытывало двойной гнет и царской политики, и местного дворянства. В итоге 40-е и 50-е гг. характеризуются, как указывает т. Махарадзе, волнениями, переходящими в террористические акты. Далее, т. Махарадзе развертывает картину экономических последствий для Грузии отмены крепостного права, еще более ухудшившей положение крестьянства, давшей